

СОДЕРЖАНИЕ

М. Н. Полторанин

ВЛАСТЬ В ТРОТИЛОВОМ ЭКВИВАLENTE

Воруй-город и красная гусеница	7
Почем ртуть из Кремля	48
Как пилили державу	81

Л. Е. Суханов

КАК ЕЛЬЦИН СТАЛ ПРЕЗИДЕНТОМ. ЗАПИСКИ ПЕРВОГО ПОМОЩНИКА

Первая аудиенция	123
«Захват» Госстроя	127
Немного политики поднимает тонус	132
Кому нужна такая реабилитация	135
Первое интервью	139
За власть Советов	145
Ельцин открывает Америку, Америка — Ельцина	151
Нью-Йорк: где здесь бездомные?	155
День второй. «Свобода» и свобода	158
Здравствуйте, господин Буш!	164
Неунывающий Рональд	168
Удар ниже пояса	169
Ельцин зарабатывает доллары	179
Слезы Ельцина	183

П. И. Вощанов

ЕЛЬЦИН КАК НАВАЖДЕНИЕ

Бункер для демократов	194
На границе тучи ходят хмуры	211
Застолье у Лаврентия Берия	232
Открытый для диалога (Откровение в двух частях)	246

А. В. Коржаков

БЛИЖНИЙ КРУГ «ЦАРЯ БОРИСА»

Знакомство	262
Первый отпуск	269

Перед пленумом	275
Прощание с КГБ	277
Мешок Монте-Кристо	281
Среди мартовских льдин	285
Путч	288
Конец двоевластия	303
Первый «звонок»	310
«Голубая» команда	319
Закат	326
Преемники	331
Тихий переворот	340
Сказка о горшке	350

Б. Г. Федоров

10 БЕЗУМНЫХ ЛЕТ. ПОЧЕМУ В РОССИИ НЕ СОСТОЯЛИСЬ РЕФОРМЫ

Борис Ельцин и его окружение	357
Вперед, Россия!	361
Чечня	367
Президентские выборы	369
После президентских выборов	372
Судебные иски и «Алмазное дело»	376
«Книжное дело» и отставка В.Черномырдина	378
Правительство трех премьеров. Жаркое лето 1998 года	380
Правительство С. Кириенко	381
Налоговая реформа	384
Дебаты вокруг налоговой полиции	388
«Список Федорова», физические лица, «рейды»	390
«Борьба» с Газпромом	395
17 августа 1998 года	399
Олигархи в 1998 году	403
Последняя неделя правительства «реформаторов»	406
Второе пришествие В.Черномырдина. Евростандарт	409
Приход Е.Примакова. Вынужденная отставка	413

Михаил Никифорович Полторанин

ВЛАСТЬ В ТРОТИЛОВОМ ЭКВИВАLENTE

Воруй-город и красная гусеница

1

Перебивать косточки власти — любимое занятие наших людей. На кухнях. За дружескими застольями. И даже в тайге.

Был у меня знакомый охотник-промысловик Федор Паутов, ловил капканами баргузинских соболей. В его закопченной сторожке я пару раз ночевал. Долгими зимними вечерами Паутов обрабатывал в избушке шкурки зверьков. Постоянное одиночество при подрагивании язычка пламени в керосиновой лампе рождало в охотнике самодеятельного философа. Он всему находил свое объяснение.

— Власть — это эгоистичная женщина, — говорил Паутов. — Она хочет быть у тебя единственной и на всю жизнь. Сколько проклятой ни давай, ей все мало. Ты вроде бы сам приводил ее в свой дом, а захочешь прогнать — не получится. С местными начальниками проще. А с самыми большими — никак. Оплот у них очень надежный.

А оплот — кто? На это у охотника тоже имелся ответ: феодалы. Они были и будут всегда. Разговоры наши шли еще в советские времена, и феодалами Паутов называл партийных секретарей.

Охотник мужицким чутьем доходил до понимания характера власти в Советском Союзе. Да и не только он. Народ хоть и не участвовал в назначениях кремлевских постоянльцев, но видел, из каких элементов конструировался режим.

Кремлевские постоянльцы — генеральные секретари ЦК КПСС — не были самодержцами Всея Руси. Из своей среды их отбирали и ставили на божницу члены Центрального комитета — первые секретари обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик. По определению охотника Паутова, феодалы. Сговорившись, эти феодалы могли сместить генсека, что они сделали с Никитой Хрущевым. Но это был исключительный случай. Первые секретари оберегали режим от малейших встрясок, потому что были его опорой и сердцевиной.

Они, как гусеницы, готовились превратиться в бабочек, чтобы, расправив крылья, самим взлететь на божницу. И до

сих пор непонятно, по каким признакам секретари отбирали себе вождей. Теперь это не так важно.

Важнее осмыслить другое: как умудрились они сдать свою, казалось бы, неприступную власть и страну? Как из партийных секретарей выклеивались руководители постсоветской поры, и в частности новой России? Как из номенклатурной гусеницы вызревало крылатое существо и воспаряло в большую политику? И наконец, какая среда формировала взгляды, сортировала красных партийных гусениц по полочкам иерархии? Прежде чем перейти к конкретным фамилиям — и в первую очередь к фамилии Ельцин — сделаю краткий экскурс в историю с секретарями.

За двадцать пять лет работы в советской печати я повидал много партийных функционеров. С кем-то сходил на короткое, с кем-то общался по долгу службы. Сегодня их преподносят как этакий монолит, как безликий отряд исполнителей, обструганных сусловским ретроградством. Нет, это были разные люди, порой разные до противоположности — и по широте кругозора, и по отношению к людям, к работе и даже по отношению к святым святым — самой машине власти в СССР. Опираюсь в этих выводах на личные наблюдения. Поделюсь некоторыми из них.

С первым секретарем Восточноказахстанского обкома партии Неклюдовым я познакомил, как говорится, по случаю. Московский журнал «Партийная жизнь» заказал ему статью о перспективах социально-экономического развития Рудного Алтая. Край этот был тогда на подъеме: добывал золото, серебро и редкоземельные металлы, перерабатывал урановое сырье, выпускал машины, строил заводы и гидростанции. Как там трудились в обкоме над материалом, не ведаю, но звонит Неклюдов редактору областной газеты «Рудный Алтай»:

— Мне отделы набросали статью — не статья, а сухая справка. Подошли молодого парня, не зашоренного штампами, мы тут с ним поработаем...

Молодым литсотрудником был я, меня и отрядили на рабочее дело.

Мне пришлось поднять ворохи документов, протоколы пленумов и заседаний бюро — там же, в обкоме, накропал на машинке новый вариант статьи Неклюдова, который журнал и опубликовал. Через какое-то время звонит помощник секретаря: его шеф вызывает меня к себе.

Никогда не ждешь приятностей от походов к начальству. Но тут хозяин кабинета подходит к столу в комнате отдыха —

там самоварчик и два стакана в «партийных» подстаканниках, ломтики лимона на блюдцах. Это был фирменный набор для частных бесед у обладателей номенклатурных кабинетов. В самоваре не чай, а коньяк. Секретарь нацедил по полстакана, открыл сейф и протянул мне конверт с деньгами.

— Вот гонорар за статью, он ваш, — сказал он, взявшись правой рукой за стакан. — Нет, нет, возражать бесполезно. Чужую работу я присваивать не приучен. Давайте за успешное дело и еще раз спасибо!

На том и расстались.

У партработников считалось за правило ездить по своим регионам и «шевелить» хозяйственное начальство. Часто мотался по области и Неклюдов. Но было у него еще одно правило: он всегда готов был подсадить в свою машину кого-то из журналистов. Не для пиара, а чтобы подбросить к объекту. Звонит редактору газеты помощник секретаря: «Завтра шеф едет на Зырянский свинцово-цинковый комбинат. Есть место в машине. Быть в семь утра у обкома». Или: «Завтра шеф едет на Бухтарминскую ГЭС, выезд в шесть утра». Расстояния в области большие, а с транспортом у редакции было худо. Иногда редактор отказывался из-за нехватки штыков, а чаще звал кого-то из свободных сотрудников и отправлял в командировку «окупиться в проблемы». Многократно приходилось ездить и мне.

В долгой дороге не всегда попадались столовые. Останавливались и, подняв капот машины, подогревали на двигателе банки с тушенкой. Управлялись с банками всем экипажем.

Мы не составляли свиту секретаря. А добравшись в его машине до места, шли заниматься своими делами, возвращаясь обратно на перекладных. И все же я видел не раз, как этот прямолинейный рязанский мужик резко отчитывал директоров за очковтирательство, за тесноту в рабочих бытовках и даже за грязь в туалетах.

По правде сказать, думалось поначалу, что этот человек с боксерскими кулаками такой смелый с людьми, от него зависящими. Но как-то на территории титано-магниевого комбината я стоял в окружении монтажников и слушал их жалобы на неустроенность. Подъехали несколько легковых машин, из первой вышли Неклюдов и всеильный председатель Совмина СССР Косыгин, прилетевший в область с инспекцией. Они покрутились вокруг строящегося цеха и направились к монтажникам. К моим недавним собеседникам стали подтягиваться другие рабочие.

Обычные вопросы приезжего начальства: как живете? как дела? Будто трубу прорвало, как полилось из людей недовольство. Плохо с жильем, нет детсадов, прожить на зарплату трудно. И все в том же духе. Косыгин слушал, покусывая губы, потом, как мне показалось, со злобой произнес:

— Хватит! Плохо работаете! Надо лучше работать — тогда и жить будете лучше.

Наступила неловкая тишина. И тут раздался простуженный голос Неклюдова:

— Не надо людей обижать, Алексей Николаевич. Работают они хорошо. Плохо работает ваш Госплан: дает средства и фонды только на промышленные объекты, а весь соцкультбыт зарубает. Вот достроим цеха, но кто в них будет работать? Нечому!

Было заметно, как у предсовмина краснеют уши.

— Ну, это обсуждать не на митингах, — сердито бросил Косыгин. И они уехали.

Не знаю, какие у них разговоры были потом — и в области, и в Москве, только пошли вскоре деньги и на жилье, и на школы с детсадами, и даже на дворец культуры. За короткое время вырос большой поселок Новая Согра. А Неклюдов работал еще несколько лет.

Почему так подробно рассказываю о человеке с чужого теперь для России Рудного Алтая. Не потому, что это впечатление молодости. Неклюдов не составлял исключения, более того, он был типичен в секретарской среде 60—70-х годов прошлого века. Перейдя работать в газету «Правда» — «Правда» была тогда не нынешним зюгановским бюллетенем, а могущественным изданием тиражом 14 миллионов экземпляров, где, помимо официоза, печатались публицистические статьи, фельетоны, аналитические материалы, — я имел возможность много ездить по стране. И видел немало подобных секретарей — особенно в России.

Невозможно забыть того же Конотопа, первого секретаря Московского обкома КПСС. Он не просто противился установкам партии на уничтожение «неперспективной» деревни, а даже с некоторым вызовом бросил все силы на благоустройство этой деревни — жильем, школами, детсадами и магазинами. К тому же Василий Иванович сидел как заноза в номенклатурной попе чиновников центральных аппаратов ЦК и Совмина — не позволял вырубать леса Подмосковья под расширение дачных угодий. И те в отместку стучали на него Брежневу при каждом удобном случае. Мы в «Правде» стара-

лись поддержать руководителя московского обкома сочувственными публикациями. Хотя всякий раз получали за это нагоняй от наших кураторов.

И Конотоп, и Неклюдов, и множество других первых секретарей попали на эти должности в хрущевский период демонстративного «очеловечивания партийных кадров». Вычищая сталинских назначенцев и являя себя демократом, Хрущев двигал на ключевые посты людей от сохи, которые придерживались здравого смысла в работе и еще не научились жить по принципу «чего изволите?». Немало этих секретарей досталось в наследство Брежневу.

Развращает любая власть. У первых секретарей она была немалая. Но в эпоху раннего Брежнева разгуляться им не давали — над всеми постоянно висел домоклов меч в виде твердой руки Суслова. Того самого Суслова, второго секретаря ЦК КПСС, ведающего партийными кадрами. Он имел тогда огромный вес, большое влияние, и даже генсек побаивался его — в костлявом Суслове ему мерещилась тень Сталина.

С одной стороны, это был закостенелый догматик, малюта скуратов для отступников от постулатов марксизма. Вынюхивал инакомыслие в трудах творческой интеллигенции. А с другой, представлял из себя бессребреника, аскета. Годами носил одну пару галош, а половину зарплаты отдавал в партийную кассу. Спартанского образа жизни Суслов требовал и от кадров. Он развернул борьбу с партийными попойками, получившими распространение при Хрущеве. Как приговор, не подлежащий обжалованию, стали звучать для секретарей обвинения в барстве и стяжательстве.

Сусловскую инквизицию — Комитет партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС — возглавлял другой экзекутор — Пельше. Он рассылал своих опричников по регионам, и трыли землю в поисках компромата. По линии КПК было снято много голов с партийных секретарей, возомнивших себя удельными князьями. Результаты проверок и беспощадные вердикты по ним направлялись в партийные комитеты страны. Это заставляло других призадуматься.

С годами, однако, все заметнее набирал силу Брежнев, от коллективного руководства оставались одни ошметки. Была задвинута на задворки и спарка Суслова с Пельше. Построенная на принципе жесткого централизма КПСС, уже в который раз за свою историю подчинила себя воле чиновников из аппарата ЦК. Иного и быть не могло: централизм всегда приводит к единоначалию. Создавая любую вертикаль власти, уп-

решься в это единоначалие, где вождь только царствует, а его полномочия растащила стая приближенных чиновников.

При «ручном управлении» страной только сверхэнергичный Сталин, закаленный Гражданской войной и интригами, ухитрялся не отдавать свою власть в руки чиновничьего аппарата. Те же, кто шел после «вождя всех народов», в той или иной степени становились марионетками этого аппарата.

Брежнев, как известно, был сам большим жизнелюбом — и гулянки ему подавай, и золото, и охоту. А куда конь с копытом, туда и рак с клешней: чиновники аппарата ЦК тоже возлюбили подношения, поездки в те регионы, где и сауны с угощениями, и чемоданы с подарками занесут в самолет. Секретари обкомов, привыкшие честно работать и считавшие скромность за норму, в результате аппаратных интриг оказались чужими на этом празднике жизни. Система стала выдавливать их — человека за человеком. Ершистая позиция кадров, их твердость в отстаивании интересов дела воспринимались бюрократами-жизнелюбами наверху, как покушение на общественные устои.

Послевоенный экономический ренессанс убаюкивал многих. Все, что поднимало страну, все что делало ее сверхдержавой — и ракетостроение, и воздушный флот, и ядерная мощь, и многое другое — закладывалось и проектировалось в сталинские годы. Пусть иногда и в шарашках или зонах, окруженных колючей проволокой. Даже решение о строительстве первой атомной подводной лодки в СССР было подписано еще в сентябре 1952 года Сталиным.

А за темпами мирового научно-технического прогресса сталинская система кнута стала не поспевать. Дальновидные технократы — в Политбюро и Правительстве — бились с «карьерными партийцами», не нюхавшими производства, за обновление экономических механизмов. Удивительно, но борьба шла между прогрессивными членами ЦК и заскорузлыми аппаратчиками, спекулировавшими близостью к генсеку. Надо было менять машину власти и принципы руководства экономикой, чтобы на всех уровнях людям стало выгодно добиваться высоких результатов работы. Только зачем это празднующим чиновникам аппарата ЦК, если жареный петух не клюет! Они изо всех сил держались за систему кнута, но у которой для удобства «своих» вождей регионов свинтили гайки безответственностью и очковтирательством. Кнут — для рабочего люда, а для партийной бюрократии — больше уюта и льгот. Началось плавное, пока не очень заметное, пе-

рождение этой бюрократии в буржуазию. Своего пика оно достигнет к концу 80-х годов.

По логике чиновников из Кремля, и что это за демагогия о приоритете интересов дела! Руководство страны, дескать, щупает теперь не результаты, а смотрит на показатели: нужна оптимистическая цифирь в отчетах. И цифирь радовала. А дела? Они частично отодвинулись на второй план. На Балхашском медеплавильном заводе в 1979 году я увидел в работе прокатный стан, выпущенный в Германии до войны. На нем красовались клейма со свастикой. По инструкции смазывать узлы стана полагалось салом шпик, но время было голодное, рабочие этого сала не видели, и для смазки использовали солидол. А стан буянил и безбожно мял лист: в цехе возвышались штабеля изуродованного проката. Между тем, на задворках завода уже не первый год лежал в ящиках новый импортный стан, купленный за валюту. Почему не монтируете? «А куда спешить, с плановыми показателями у завода полный ажур, к чему лишняя головная боль». В те годы много рыскали по предприятиям «народные мстители» — активисты комитетов народного контроля. Они доносили по инстанциям, что под дождем и снегом валяется по стране нового импортного оборудования на десятки миллионов долларов. В тех ценах! Центральные газеты охотно печатали материалы контролеров, а КПК исключал виновных расточителей из партии и отдавал на расправу прокуратуре.

Правда, аппаратчики ЦК всячески старались умерить пыл «народных мстителей». Чтобы они не лезли в газеты с разоблачениями и чтобы сами журналисты не зарывались, была дана команда Главлиту — этому защитнику гостайн — не допускать к печати материалы о громких фактах безхозяйственности. Варварское использование недр — государственная тайна. Печатать нельзя. Опасное загрязнение окружающей среды — государственная тайна. Даже низкую урожайность зерновых ввели в разряд государственных тайн. Первые секретари, которые думали только о личной карьере и которых народ называл временщиками, блаженствовали. Влиятельные чиновники из ЦК ставили заслоны от критики этих людей и их регионов. Потому что курировали их, кормились там и могли погореть, донеси до верхов кто-то правду. Появилось множество так называемых закрытых зон.

В одну из таких зон я прилетел как-то по просьбе народных контролеров. Шел теплоход по Оби и на фарватере в районе Сургута натолкнулся на что-то и пропорол днище. Полез-

ли водолазы смотреть, а там все завалено стальными трубами. В Тюменском обкоме на контролеров прищыкнули: не выносить сор из избы! Выяснилось, что виновник инцидента Миннефтегазстрой СССР — он прокладывал в области нефтепровода. Трубы с «материка» привозили на баржах, складировали на берегах Оби, а дальше на машинах по участкам. Трассу нужно строго вести по проекту: геодезисты указывали проектировщикам гиблые места, где могут деформироваться трубы на стыках, и нефтепровод на чертежах огибал эти места. По утвержденному километражу составлялась смета.

Но строители шли напрямик, плюхали трубы в эти «сучьи места» (может быть, когда-то оторвется сие авариями!) и составляли отчеты о досрочном выполнении проектного задания. Лишних труб набралось несколько десятков километров. Как с ними быть? Чтобы они не мозолили глаза пассажирам вертолетов, столкнули штабеля бульдозерами в Обь.

Повадки показушников из Миннефтегазстроя мне были известны. За несколько месяцев до поездки в Тюмень я летал на полуостров Мангышлак: там вводили в строй нефтепровод от нового месторождения к морскому терминалу. Все было торжественно — телекамеры, речи, оркестры. В величавых позах стояло руководство обкома партии. Запульсировала нефть из трубы, замминистра подставил ладони, и все вокруг озарилось от фотовспышек. Потом нефть перестала идти, сказали, что нужно кое-где подналадить. Что-то подозрительное было в этом шумном мероприятии. Назавтра я поехал по трассе и уже километров через пятнадцать увидел конец нефтепровода и там цистерны, из которых закачивали жидкость для показушной акции. А до месторождения, откуда и должна была течь нефть по трубам, ой как далеко! Проехал до него по нетронутой пустыне, и там меня встретили два гудящих огненных столба высотой с девятиэтажный дом — горели фонтанирующие скважины. Такие пожары случаются из-за грубого нарушения техники безопасности. Так что до реального пуска месторождения коню негде было валяться еще не один месяц.

Какой смысл обкомовским чиновникам Мангышлака и здесь, в Тюмени, прикрывать очковтирательство бракоделов? Вопрос профанистый по тем временам. Кому же было не понятно, что обком и прежде всего его первый секретарь — руководящая и вдохновляющая сила всех трудовых побед региона. Вернее, рапортов о них. Главное протрубить о досрочном вводе объектов. А министерство еще долгое время не будет спускать им плановое задание. Под видом доводки оборудова-

ния. Продукции нет, зато есть награды обкомовским и министерским чиновникам.

Тюмень и города вокруг нее (в состав области входил и Хантымансийский национальный округ) поразили меня тогда своей убогостью: деревянные домишки, сторбленные от старости, непролазная грязь. Ни культурных центров, ни современных микрорайонов. Многие семьи жили в балках. Балок — это горе, лыком подпоясанное: обрезок газопроводной трубы диаметром 1,4 метра, обшитый досками с торцов и с вырезанными сварщиками окошками. Тюменские главки получали «под нефть» из Госплана громадные деньги и пытались обустроить город. Кивали при этом на Арабские Эмираты. Но все усилия пресекались первым секретарем обкома партии Богомяковым. «Никаких побочных трат! Все средства только для выкачки нефти». И шли отчеты из области — один радужнее другого.

Эта позиция Богомякова очень нравилась его кремлевским кураторам: в экономике образовывались провал за провалом, а на нефть можно купить за границей и зерно, и оборудование, и даже преданность ленинизму некоторых африканских режимов. На секретаря, журча, стекали награды — орден Ленина, орден Октябрьской Революции, два ордена Трудового Красного Знамени и прочая и прочая. Я спросил при встрече Богомякова: почему в области ничего не делается для людей?

— Стране нужна нефть, — ответил секретарь. — А народ может потерпеть.

Мы с ним тогда еще не знали, что всякому терпению приходит конец.

В Тюмени я подружился с одним из первооткрывателей сибирской нефти — начальником Главтюменьгеологии Фарманом Салмановым. Он тоже испытал на своей голове силу обкомовского кулака: несмотря на предупреждения построил крупный спортивный комплекс и получил строгий выговор.

— Нефть утечет, — сказал Салманов Богомякову на заседании бюро обкома. — А что вы оставите области?

Фарман сам сконструировал агрегат для разделки рыбы на строганину. Пригласил к себе на дачу для опробования изобретения начальников других главков и меня. Заправили агрегат мороженой нельмой — грохот, чешуя по всей комнате и истерзанные кусочки мяса.

За вечер успели и над хозяином пошутить и откровенно поговорить о проблемах Сибири.

А вскоре Салманов стал замминистра геологии СССР. Чтобы потом не возвращаться к его персоне, расскажу о казусе, произошедшем с ним.

В середине 92-го, будучи вице-премьером российского правительства, я порекомендовал Салманова Президенту РФ на должность министра топливной промышленности. Вместо одного из «мальчиков» гайдаровского призыва. Все-таки сколько открытий на счету Фармана, лауреат Ленинской премии, Герой Соцтруда, ученый — член-корреспондент Академии наук. И главное — принципиальнейший человек, любитель рабочего люда. Уж он бы не позволил Гайдару сначала обескровить доходную отрасль, а потом рассовать ее по карманам различных жучков. Ельцину понравилось досье на Салманова, и он пригласил его на беседу.

В тундре Фарман простудился и стал глуховат на одно ухо. На это же ухо был глуховат и Ельцин. В кабинете они сели наискосок друг к другу — тугое ухо в тугое ухо, и так общались несколько минут.

— Станный у нас был разговор, — сказал мне после встречи Салманов. — Какой-то нелепый разговор. Я ему об одном, а он мне про другое.

— Не подходит кандидатура, — позвонил мне после их встречи и Ельцин. — Я ему про Фому, а он мне про Ерему. Странноватый человек.

Я расспросил Фармана, как они сидели за столом, и все понял.

Так неверный поворот головы оставил целую отрасль без хорошего хозяина.

Тогда, по возвращении из Тюмени, я написал статью обо всем увиденном. Скандалил с цензорами, защищая абзацы, уговаривал начальство не резать по живому. Наконец материал поставили в номер. А поздно вечером по ТАССу прислали литературную ленту с пометкой «в номер!»: поздравление Брежнева Богомякову с очередным взятым рубежом и благодарность за ленинскую заботу о жителях области. Ну какой из журналиста конкурент товарищу Брежневу, и моя статья полетела в корзину. Оперативно работали ребята в аппарате ЦК!

Ну а были секретари, которые понимали губительность политики Центра и осуждали ее? За «всю Одессу» сказать не могу — многих из них наблюдал только на съездах КПСС, чинно слушающих доклады и так же чинно жующих сосиски в буфетах Кремлевского дворца. Пишу только о том, что сам наблюдал, и о тех, с кем встречался. Да, были среди них люди, у кого диктат кремлевских чиновников вызывал тошноту и кто приходил в ярость от их глупых решений. Некоторые открыто выступали на пленумах ЦК КПСС, отстаивали передо-

вые позиции. Чем и продвигали общее дело. Но чаще мятежи эти случались в кабинетных беседах, что называется, без права выноса разговора. Свидетелем таких камерных бунтов мне быть приходилось.

Меня командировали как-то в Приморье, посмотреть, насколько продвинулась работа по созданию единого транспортного узла из Дальневосточного морского пароходства, железной дороги и автопредприятий. Страны тихоокеанского региона готовы по Транссибу перебрасывать в Европу свои морские контейнеры и платить за это большие деньги. Дело для СССР весьма выгодное. Я поехал по краю, поговорил со специалистами. От порта Находка, куда должны приходиться контейнеры, до Транссиба проложена только одна колея. Там железнодорожные составы и заткнут пробкой весь транспортный поток.

В разговоре с первым секретарем Приморского крайкома партии Ломакиным я поинтересовался, ставил ли он перед Москвой вопрос о выделении средств для срочной прокладки второй колеи между Находкой и Владивостоком. Расстояние там небольшое, можно управиться быстро. Ломакин поднялся из-за стола и подозвал меня к большой карте Советского Союза, висевшей на стене.

— Конечно, ставил, — сказал он. — И о деньгах на реконструкцию угольных шахт тоже ставил — они у нас погибают. Но один очень известный в Союзе партийный вельможа подвел меня в своем кабинете к такой же карте и говорит: «Вот видишь, Приморский край свисает мешком к Китаю. Перекроют китайцы верхушку мешка южнее Хабаровска, и плакали наши денежки. Средств не получишь».

Ломакин помолчал немного, потом, добавив в голосе яда, произнес:

— Вы что же там, в Москве, совсем очумели. Уже и территориями готовы разбрасываться!

В порыве гнева он причесал под одну гребенку с партийными вельможами и меня. Тут было, конечно, не до обид.

Не меньше желчи вылил в своих высказываниях и первый секретарь ЦК компартии Киргизии Турдакун Усубалиев. Я приехал во Фрунзе (Бишкек) уже во время правления Андропова заниматься проблемами местничества. Таким приглушенным термином именовали тогда национализм. Киргизы с узбеками не могли поделить горные пастбища, дело доходило до перестрелок. Узбеки в отместку прекратили поставки цемента из Кувасая строителям гидроэлектростанции на реке Нарын.

А еще были крупные межнациональные разборки из-за воды для полива сельхозкультур.

Территорию Киргизии распирает клином Андижанская область Узбекистана. Проехать из Фрунзе на юг своей республики, в Ош, можно только через эту область. Иных дорог нет. И вот по распоряжению первого секретаря ЦК компартии Узбекистана Рашидова соорудили на границах шлагбаумы и выставили около них милицейские посты. Останавливали все без исключения машины с киргизскими номерами. Высаживали пассажиров. И, вручив им мешки, направляли в поле собирать узбекский хлопок. Если насобирали по 20 килограммов каждый — езжайте дальше. А кто отказывался или не выполнял норму — поворачивайте назад.

— Я пытался поговорить с Шарафом Рашидовым, — делился со мной Усубалиев. — Но он ультимативно предложил передать его республике наши пастбища. Разве мы ханы какие, делать друг другу такие подарки. В Узбекистане полно денег для подмазки москвичей, плюс к этому Шараф кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. А кто я со своим Кыргызстаном?

По стране как раз шли «андроповские облавы»: в кинотеатрах вдруг прерывали сеансы и милиционеры с собаками проверяли у зрителей документы. Так пытались отлавливать тех, кто прогуливает в рабочее время. Хватали людей на рынках и в магазинах.

— Не тем занимается Андропов, — коснулся Усубалиев и этой темы. — Мелкая, вредная суета. По единству Союза уже трещины намечаются — вот за что надо браться всерьез. Я докладывал в ЦК КПСС о нарастании межнациональных кризисов в Средней Азии, а мне отвечают: разбирайтесь между собой сами. Если здесь сами начнут друг с другом разбираться, еще с оружием в руках, — что будет? О чем думает руководство партии?

О чем думали в руководстве партии, можно было судить хотя бы по высказываниям одного из влиятельных членов Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Кунаева. В том же году мы, группа публицистов центральных газет, прилетели в Алма-Ату, и нас привезли на встречу с Кунаевым. На одной стене кабинета секретаря большой портрет хозяина из рисовой соломы («Подарок хлеборобов Кызыл-Орды»), на другой еще один портрет, вытканый из шерсти («Подарок чимкентских ткачих»). Чай с сушками на столе, недолгий рассказ об успехах республики. Потом Кунаев стал перечислять города Казахстана, куда бы он порекомен-